

ШЛЕЙФЕР Т. П. — ВИНАВЕРУ М. Л.

ШЛЕЙФЕР Александр Николаевич, родился в 1873. Получил среднее образование, служил прапорщиком в русской императорской армии, в 1893 — уволен в запас, с 1894 — работал по найму, позднее — в Санкт-Петербургской городской управе, к 1917 — в чине коллежского советника. В 1920-х — работал по найму в конторах и учреждениях Петрограда-Ленинграда. Женат на Татьяне Павловне Шлейфер, машинистке. В марте 1935 — выслан с женой из Ленинграда в Воронеж на 5 лет

ШЛЕЙФЕР Татьяна Павловна, родилась в 1877. Окончила гимназию, с ноября 1914 — служила машинисткой в конторе присяжного поверенного в Москве. В 1915 — вышла замуж за Александра Николаевича Шлейфера. Проживала с мужем в Петрограде, работала медсестрой в клинике, с 1931 — по совместительству младшим сотрудником в клинике И. П. Павлова. В марте 1935 — выслана с мужем в Воронеж на 5 лет, работала медсестрой в областной нервной клинике и психдиспансере.

В мае 1936 — Татьяна Павловна Шлейфер обратилась за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу.

<10 мая 1936>

«10/V 1936 г<ода>».

Г<ород> Воронеж. Ворошиловский район, Дальняя Глуховка, Беков пер<еулок>, 11, Д. Соболевой
<для> Т. П. Шлейфер

Многоуважаемый Михаил Львович.

В ответ на Ваше извещение за № 11187 от 4/V, об обещании НКВД пересмотреть наше дело, я приношу Вам свою глубокую благодарность и посылаю марки на пересылку.

Ваше извещение дало какую-то слабую надежду, что я смогу вернуться к своему любимому делу, в родной город, к дочерям. Проработав 20 л<ет> и 4 м<есяца> на одной и той же службе, менявшей много раз название, но остающейся тем же учреждением, с тем же коллективом служащих, очень тяжело попасть в те условия, в какие я попала на старости лет, уже потеряв силы и здоровье. Даже если бы я захотела перейти на пенсию, я не смогу этого сделать, т<ак> к<ак> адм<инистративно> высланные права на пенсию лишены. Вот уже год и месяц, как я работаю здесь в Нервной Клинике, в самых тяжелых условиях, ввиду того что мы живем за отсутствием жилплощади в Воронеже в 4 в<ерстах> от города в пригородной деревне, без электричества, без водопровода и, работая у самых тяжелых больных, с менингитами, опухолями мозга и другими тяжелыми заболеваниями, — 3-4 часа я ежедневно трачу на передвижение. Иногда все 4 в<ерсты> идем пешком, т<ак> к<ак> трамваи из-за гористой местности часто из-за погоды, порчи пути и т<ак> д<алее> не ходят. В вечернюю смену приходится возвращаться в полной темноте, по оврагам и горам, в метель, дождь и вьюгу. Иногда я плачу, не имея сил подняться на крутую гору, всю покрытую льдом, как каток! Ведь мне 58 л<ет>, при советской власти работала непрерывно с первых ее дней, без выговоров и замечаний, только что премирована была, — перед самой высылкой и получила подарок и от больных. Всегда несла общ<ественные> нагрузки —

непрерывный член редколлегии с 28 г<ода>, ранее секретарь рев<изионной> комиссии, член рев<изионной> комиссии кассы взаимопомощи! Подумайте, как тяжело, как оскорбительно и больно быть высланной на остаток лет человеку, не чувствующему за собой ничего, не знающему, почему!! А тут еще в справке, данной из НКВД, для получения паспорта в милиции было сказано: "иждивение". Это переделали на "служащая" по просьбе моего мужа! Все же и здесь я не могу остаться вдали от общественной жизни, как ни тяжело, как ни обидно и больно! Опять я здесь член Редколлегии и заведу (как общ<ественная> нагрузка) библиотекой больных и месткома. Кроме того меня удивляет, почему же я, работая с 1931 г<ода> в Клинике Ив<ана> Петр<овича> Павлова (по совместительству) в качестве младшего научного сотрудника, ездила обследовать больных нашей клиники на все Ленинградские заводы — имею пропуска даже в цеха таких заводов, как Кирова-Сталина, Балт<ийского> Рев<олюционного>, Красн<ой> Гвард<ии> и прочие! Значит, я пользовалась доверием до самого дня высылки с 1931 г<ода>! И никогда не сделала ничего такого, чтобы не оправдало этого доверия! Почему же сразу, в один день у меня отняли комнату, где я прожила 32 г<ода>! Отняли работу, с которой я так сжилась и любила, отняли семью! За гроши в 3 дня я должна была распродать наспех свое имущество, т<ак> к<ак> выехать было буквально не на что. А когда я пошла просить Уполномоченного НКВД хоть 2 дня отсрочки для хлопот и устройства дел, он так жестоко и резко мне отказал, что у меня появилось чувство, что м<лжет> б<ыть> я правда закоренелая преступница.

Даже закоренелые преступники, проработавшие в Колониях НКВД 2-3 года, снимают с себя честной работой все преступления! Я, судя по справке НКВД для выдачи паспорта из милиции, и в которой как бы указана причина высылки: жена офицера царской армии, дочь мирового судьи, иждивенка. Первое опровергается присланным Вам воинским билетом мужа, где указано, что он год отбывал повинность как рядовой, на правах вольноопределяющегося сдал экзамен на прапорщика и больше никогда не служил на военной службе. Ни в одной войне не участвовал, страдая гипертрофическим циррозом печени.

Отец мой служил Мировым судьей г<орода> Москвы по выборам 30 л<ет> и выбирался почти всегда единогласно, т<ак> к<ак> пользовался всеобщей любовью и уважением. Затем умер он 34 г<ода> тому назад!! Кроме всего, по словам тов<арища> Сталина, дети за родителей не отвечают.

В-третьих, я не иждивенка и имею трудовой список на руках. Кроме того, что служила с 14 года ноября в том же учреждении до 25 г<ода> марта — с 17 лет работала на пишущей машинке у присяжн<ого> поверен<ного> С. А. Шереметьева в Москве.

В выборах всегда оба участвовали. Когда бывш<их> домовладельцев выселяли, нас это не коснулось, т<ак> к<ак> дом продан в 1913 г<ода> из-за большой задолженности и большого количества совладельцев. 2 комнаты из 3-х нашей квартиры, когда дочери вышли замуж, мы передали одну комсомольцу, рабочему заводу фармакологии, с братом, ломовым извозчиком, и маленькую вторую — красному партизану. За 19 л<ет> Сов<етской> власти ни мы за границу не писали ни разу, не имея там близких, ни нам никто не писал и посылок не получали. Никто из нас никогда не имел никакого отношения к жандармерии, полиции и охране.

Все наше несчастье в том, что мы остались жить в доме, где муж был совладельцем, и где, кроме нас, никто из других совладельцев не жил, поэтому за нами осталась репутация "домовладельцы — бывшие люди", управдом относился, видимо, недоброжелательно, человек новый. Кроме того, нашу комнату многие очень были бы рады получить, числясь в Жакте

кандидатами на жилплощадь. Одним словом, в один день мы, два старика, жившие тихо, спокойно 32 г<ода> в одной комнате, вылетели на улицу, остались на старости лет у разбитого корыта. Если бы не мои товарищи по работе, высказавшие мне словесно участие и помощь, — нечем бы нам было жить первое время! Муж 8 м<есяцев> был без работы. Как адм<инистративно> высланный, бухгалтером он так и не мог устроиться. Хорошо, что он смог устроиться, как музыкальный человек, пианистом. Играл в кино в школе Комсостава милиции, в Доме Красн<ой> армии, аккомпанировал в межвузном хоре обл<астного> профсовета. Теперь везде лагеря, каникулы и опять тяжело приходится!

Михаил Львович! Помогите нам, старикам! Знакомств у нас нет, к кому обратиться, кого просить я не знаю! О Вас слышала здесь как о добром, отзывчивом человеке, что и дало смелость так откровенно и просто написать Вам!

Если бы Вы знали, как я измучилась, какое чувство и обиды, и тоски меня прямо истомило!

Я потеряла 8 кг за это время! В Ленинграде остались 2 дочери — одна тяжело больна с декабря после стрептококковой ангины и грозной (??) операции, другая в апреле мес<яце> родила очень тяжело первого ребенка. Ребенок недоношенный — все это волнует, беспокоит. Не сплю совсем. Задремлешь и вскочишь с чувством, что ты дома, в Ленинграде, что это все был кошмар! Действительность еще ужаснее!

Радуюсь, что не опустилась совсем, получала (?) Центр<альную> газету и книги — одно мое утешение! А здесь их и не достанешь!

Спасибо Вам и т<оварищу> Пешковой, что Вы взяли на себя заботы о нас, несчастных! Помогите нам, я умоляю Вас! Мы ни в чем и ничем не виноваты!

Татьяна Шлейфер»¹.

В августе 1936 — Татьяна Павловна Шлейфер вновь просила помощи Михаила Львовича Винавера.

<6 августа 1936>

«В Общ<ество> "Помощь Политическим заключенным"
Тов<арищу> М. Л. Винавер

Мед<ицинской> сестры
Т. П. Шлейфер

Заявление.

В марте 1936 г<ода> мною было подано Вам заявление с просьбой выяснить и рассмотреть мое дело о высылке нас с мужем из Ленинграда. Я работала 20 лет на одной и той же службе, менявшей свои названия, но фактически остающейся той же, Вас<ильевский> Остр<ов>, 15 л<иния>, дом 4/6, где все это можно выяснить, а муж работал 39 лет.

От 4/V этого года я получила от Вас ответ за вашей подписью, где Вы сообщаете, что наше заявление было Вами переслано в НКВД и, согласно полученной справке, обещано выяснить возможность удовлетворения нашего ходатайства, о чем Вы, по получении конкретного ответа, обещали нас уведомить о результате. Виду того, что с 4/V уже прошло 4 месяца, я беру на себя смелость напомнить Вам о себе, и прошу Вас сделать все возможное для облегчения нашей участи.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1482. С. 283-286. Автограф.

Муж перенес тяжелую форму малярии с осложнением на сердце, после которого ноги распухли как бревна, и он едва двигается, а у меня растет опухоль на ребре, требующая оперативного вмешательства и мешающая мне работать. Уже 1½ года и в Воронеже я работала в Нервной Областной Клинике, о чем можно справиться у профессора Розенцвейга.

М<едицинская> с<естра> Т. П. Шлейфер

6/VIII 1936.

Воронеж. Областной. Дальняя Глуховка, Ворошиловский район, Беков пер<еулок>, 11. Татьяне Павловне Шлейфер.

На ответ прилагаю марку»².

К 1937 — Александр Николаевич Шлейфер скончался в Воронеже³.

К 1937 — Татьяна Павловна Шлейфер стала вдовой; в феврале просила ходатайства Помполита о пересмотре дела и отмене ее высылки⁴.

---

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1482. С. 280-281. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1559. С. 138.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1587. С. 92-93, 97.